

ГЛАВА ПЕРВАЯ

6 апреля 1971 года.

В километре от «зеленой линии» — демаркационной линии, установленной после арабо-израильской войны конца 40-х годов. Восстановленной в результате поражения арабских государств в так называемой Шестидневной войне июня 1967 года.

Советский автомобиль «ГАЗ-66», тащивший на буксире полковой миномет М-120, медленно переваливал через неровности полевой дороги. Недалеко линия разграничения. Там — израильтяне, и там же корректировщик огня — Али. Ночь выдалась светлая: почти полная луна и яркие звезды на чистом небе неплохо освещали местность.

В кабине двое, в кузове еще трое — на скамейках, между которыми установлены ящики с осколочно-фугасными минами.

Водитель «шестьдесят шестого» взглянул на командира расчета:

— Далеко еще ехать, Сабир?

Фаттих подсветил карту:

— Два километра, затем будет финиковая роща. Слева ровный участок, упирающийся в балку. Там и встанем.

— До евреев далеко?

— Нет. Примерно три километра. Али уточнит. Он и наведет нас на цель.

— А что там за цель? Гражданское поселение?

— Нет. До этих поселений еще дойдет очередь. Мы выгоним евреев с нашей территории, но для этого надо разбить их войска.

— У них сильные войска.

Фаттих спросил водителя:

— Ты, Анбар, считаешь, мы слабее?

— Увы, Сабир, весь опыт боевых столкновений с евреями показывает это. Не то что нам, сирийцам, даже египтянам не удалось разгромить Израиль.

— Вижу свет фар. Там. Финиковая роща, впереди овраг. Стой!

Анбар Кури остановил «ГАЗ-66» и вместе с Фаттихом выпрыгнул в пыль. Ночь выдалась обычная по температуре, градусник показывал чуть менее шестнадцати градусов. И главное — ни ветерка, что при стрельбе из миномета немаловажно.

Фаттих отдал команду сидевшим в кузове бойцам:

— Файед, Мутаз, Башер, к машине. Отцепить миномет, привести в боевую готовность. Через полчаса позиция должна быть готова.

То, что двух боевиков он называл по фамилии, а одного — по имени, объяснялось просто: Мутаз являлся братом командира расчета.

Боевики из отряда военизированного движения за национальное освобождение Палестины, официально провозглашенного в январе 1965 года, прыгнули из кузова на землю. Отцепили М-120. Командир, водитель и наводчик занялись минометом, а подносчики боеприпасов — разгрузкой деревянных ящиков. В них, в полной готовности к применению, находились по две осколочно-фугасные мины.

Работали спокойно, но быстро. Управились менее чем за полчаса. Подготовив позицию, командир расчета сел в кабину. Там была установлена советская переносная радиостанция Р-105 с выставленной в окно гибкой штыревой полтораметровой антенной, позволяющей связываться на расстоянии не менее шести километров. Включил станцию, поднял телефонную трубку. Фаттих в микрофон вызвал корректировщика:

— Али! Сабир! Как слышишь?

В динамике треск, шум, возможно, израильтяне где-то недалеко использовали установщик радиопомех.

— Али! Сабир, прием!

Наконец в ответ:

— Слушаю!

— Мы на месте.

— Понял. Принимай коррективы. Сектор 6 квадрата 72—14. Цель — полевой лагерь пехотного батальона и самоходной артиллерийской батареи.

— Батареи? Откуда она взялась? Не должно было быть артбатареи.

— Подошла поздно вечером, когда я уже не мог предупредить.

— Ладно. Ты в безопасности?

— Да, скорректировать огонь смогу и сразу уйду. Надеюсь, встретимся в деревне.

— Хоп. Через пару минут пристрелочные выстрелы.

— Жду.

Фаттих, свесившись из кабины, крикнул наводчику Файеду:

— Юсуф, готов?

Тот кивнул заряжающему. Мина скользнула в чрево трубы.

— Готов.

— Наводи миномет на цель. Данные от Али: сектор 6, квадрат 72—14.

О самоходной артиллерийской батарее он расчету ничего не сказал. Узнав о САУ, бойцы могли отказаться стрелять по той цели, что имела возможность огрызнуться. Да так, что и места мокрого не оставит. Надежда на то, что удастся нанести существенный урон лагерю врага, и вывести из строя несколько самоходок. Но, главное, уйти после обстрела.

— Огонь! — крикнул Фаттих.

Миномет выпустил осколочно-фугасную мину, и та ушла по навесной траектории за хребет ближнего холма. Где-то вдаль прогремел взрыв, словно гром отдаленной грозы.

И тут же на связь вышел корректировщик:

— Сабир! Попадание в лагерь, в палатку.

— Где батарея?

— На границе с пятым сектором, квадрат тот же.

— Смотри.

Фаттих крикнул:

— Юсуф, отклонение вправо на несколько градусов и второй выстрел!

— Да, Сабир.

Вскоре еще одна мина ушла в небо. На этот раз разрыв прогремел громче.

И вновь заработала радиостанция:

— Сабир! Вы ударили по расположению САУ. Повредили у одной гусеницу. Корректировка вам более не нужна, я ухожу, похоже, комбат поднял взвод спецназа.

— Уходи, конец связи!

Выключив станцию, Фаттих выскочил из кабины, встал за минометом, отдал команду:

— Беглый по обоим секторам поочередно, огонь! Мины пошли одна за другой. Левее и правее.

Фаттих провел ладонью по лицу, прочитал молитву, затем отошел еще дальше от миномета, воспользовался спуском в балку. И тут же раздался шест в небе; за ним мощный взрыв — в трех метрах от «ГАЗ-66». Автомобиль опрокинулся.

За первым разрывом последовал второй, но уже по роще, и далее стало взрываться все вокруг. Израильтяне быстро сориентировались и, определив, откуда по ним открыл огонь миномет, из 175-мм САУ накрыли весь район.

Боевики, бросив пять ящиков с десятью минами и сам М-120, рванули к оврагу. Задержался лишь Мутаз. Он выронил из кармана старые часы, подаренные ему дедом. Наклонился поднять. И был отброшен в сторону взрывной волной от разрыва, который разнес на части полковой миномет.

От балки Фаттих крикнул:

— Мутаз, брат?

В ответ — молчание.

Сабир дернулся к брату, лежавшему в пятидесяти метрах, но его повалил на склон подносчик боеприпасов Ариф Башер.

— Ты куда? Не видишь, все рвется? Надо быстрее вниз и под валуны. Самоходки наверняка перенесут огонь на всю округу.

Чтобы стащить командира вниз, усилий одного Башера оказалось мало, ему помог Анбар Кури. Расчет, кроме Мутаза, успел зарыться среди валунов на дне балки еще до того, как разрывы накрыли их небольшой овраг.

Израильская артиллерия продолжала вести огонь около пяти минут, тщательно отработав три отдельные площади: позицию расчета, ровный участок с финиковой рощей и часть балки.

Обстрел прекратился так же внезапно, как начался.

Наступила оглушающая тишина, над районом повисло облако пыли, дыма, гари. Повсюду зияли воронки.

Как только закончился обстрел, Фаттих бросился вверх, к телу:

— Брат, Мутаз!

Странно, но после массированного обстрела, полного уничтожения автомобиля и миномета, тело Мутаза практически не пострадало. Он лежал на животе, поджав под себя ноги и руки.

Сабир перевернул его.

И лицо было цело, вот только соскочил платок в черно-белую мелкую клетку. И на виске пролом, из которого малым ручейком вытекала кровь.

Сабир упал ему на грудь, приподнялся, подняв руки к звездному небу:

— О, Всевышний! За что ты наказал нас? За что лишил последнего брата? Разве мы не твои воины в войне с проклятыми неверными?

Кури и Файед оттащили командира.

— Сабир, не время горевать. Мутаза не вернуть, и нам уходить надо. Евреи обязательно пошлют сюда людей, проверить уничтожена ли позиция.

— Этим евреям никакие законы не писаны. Отнимают наши земли, убивают наших людей, плюют на наши традиции. Для них нет границы. Для них вся Палестина — земля иудеев, будь проклято их племя.

— Толку ругаться, Сабир, — поддержал друга Ариф Башер. — Анбар и Юсуф правы, нам надо быстро уходить отсюда, в деревню Каур. Только там мы можем чувствовать себя в безопасности и только там спокойно, соблюдая традиции, похоронить павшего Мутаза.

Сабир встал:

— Да. Простите за слабость. Тело брата завернуть в накидку, несем на себе.

Башер проговорил:

— Здесь, если идти по балке метров пятьсот, слева будет туговая роща. Там сделаем носилки. В финиковой роще делать их опасно.

— Мы на своей земле боимся евреев, — покачал головой Фаттих и вдруг резко повысил голос: — Но ничего, наступит время, когда в Палестине не останется ни Израиля, ни евреев. Всех уничтожим, если вновь не разбегутся по миру... Идем балкой.

Расчет разбитого миномета двинулся по неглубокому оврагу. Тело погибшего Мутаза несли вчетвером. Фаттих шел впереди. Прошли пятьсот метров и взобрались на левый склон, укрывшись в тутовой роще. Враг не появлялся, это заметили бы. Сделали короткий привал, несколько минут отдохнули, выпив воды, а потом соорудили носилки. С ними идти было куда легче. Это радовало. До деревни Каур, если прямо, не более двух километров, но следовало обходить открытые участки долины, а значит, и идти много дальше.

Остановившись на второй привал посредине пути, в овраге, имевшем странную, практически правильную круглую форму, поставили носилки и залегли.

Наводчик Файед проговорил, обращаясь к командиру:

— Что-то я, Сабир, не слышал, чтобы второй и третий расчеты стреляли? Они должны были бить по укреплениям, что возводят евреи.

— Знаю, что у них за цели. Но действительно стрельбы слышно не было. Позиции же их не так далеко от финиковой рощи.

— Первый расчет Гасана Афри должен был занять позицию где-то напротив нас, ближе к «зеленой линии». Он точно не стрелял, и шум двигателя грузовика не слышно.

— Может, сломалась машина? У нас техника такая, не знаешь, что проще, пытаться отремонтировать или сдать на металлолом.

— Проще в металлолом, там хоть сколько-то динаров дадут. А за ремонт заплатить, как за новый внедорожник. Запчасти советские, здесь их нет. А если есть, то дорогие, их надо в Сирии покупать ...

Командир расчета прервал наводчика:

— Не будем болтать впустую. Нам еще с километр идти и этот участок самый сложный. Дальше только в двух местах можно идти мелкими балками, да обойти пару холмов, роща такая же туговая ближе к деревне.

— Сюда евреи не сунутся.

— Шайтан их знает. Если мы побили много их солдат, уничтожили технику, то искать и на широкой площади станут. Они, как и мы, не прощают смерти своих людей. И у них в батальонах есть штатное подразделение спецназа.

— А у нас разрозненные отряды, группы, расчеты. Евреям дали создать армию, нас же разоружили, где справедливость?

— Настоящий воин голыми руками драться будет.

Файед кивнул:

— Это так, но можно было собрать хотя бы батальоны.

— Зачем, Юсуф? В июне шестьдесят седьмого против Израиля выступил весь арабский мир, как, впрочем, и до того, и после. Египет, Сирия, Иордания, Ирак и Алжир решили использовать свои войска в разгроме их армии. А это не батальоны. Это бригады, дивизии! И что? Евреи, даже в кольце окружения, сумели разгромить их. Двумя авиаударами

с восьми часов пятого июня они уничтожили почти все ВВС коалиции на их же аэродромах, подавив средства ПВО. И тут же в свободное небо поднялись бомбардировщики, что бомбили безнаказанно, применяли напалм. Евреям хватило шести дней, чтобы арабский мир признал поражение. Вместо того чтобы крепче объединиться, учесть урон той позорной войны и начать готовить новую, страны коалиции стали обвинять друг друга и Запад в поражении. Арабы потеряли более пятнадцати тысяч солдат убитыми, евреи — до тысячи. О самолетах и сухопутной технике и говорить нечего. Так что, друг мой Юсуф, поначалу надо создать государство, признанное всеми народами государство, а потом уже армию.

Наводчик возразил:

— Но с шестьдесят пятого года существует же Организация освобождения Палестины? Существует и наша организация, нам готовы дать оружие, боеприпасы, обучать наших мужчин в союзных странах. Только Иордания повела себя не как союзник, а заклятый враг. Но, как бы то ни было, армии так и нет.

— Израиль прикрывают США, — ответил Фатих, — и пока это будет, не видать нам своей армии. Но ведение партизанской, диверсионной войны нам запретить не в силах никакие Штаты, никакая ООН. Вот и воюем. И будем воевать. У меня вся мужская половина рода погибла. Оставались я и Мутаз... А теперь только я. Хорошо хоть организация позаботилась о женщинах и детях.

— Так у многих, Сабир.

— Да, но хватит ныть. Скоро начнет светать, так что выходим к деревне. Но где же Афри со своим расчетом?

— Узнаем.

— Я поднимусь наверх, осмотрю местность, проложу безопасный маршрут, а вы тут... братом занимайтесь. С него сползла накидка.

— Поправим.

Фаттих поднялся на вершину склона и осмотрелся, насколько хватало глаз. Он увидел очертания грузового автомобиля прямо в поле — на берегу речки Закра, что выходила из роши и несла свои воды мимо деревни Каур. Но там она становилась шире, глубже, и местные жители установили мост. Пасли отары и стада на этом берегу. Был еще брод, но южнее — в трехстах метрах от места, где просматривался силуэт.

Подняв бинокль, Фаттих разглядел и грузовик, и выставленный на позицию миномет, и расчет около него. Две фигурки снимали ящики с минами. Он подумал, что Афри, наверное, только вышел. Видно, действительно сломался автомобиль. Ну что ж, пусть постреляет. Если техника и миномет спокойно стоят на берегу, то долиной пройти можно.

Он направил голос вниз:

— Вижу расчет Афри. Он только готовится к обстрелу. Евреев там нет, иначе уже разнесли бы его в клочья. Подымайтесь.

Боевики вынесли носилки, и тут с юга прогремела пулеметная очередь. У палестинских расчетов не было пулеметов. Значит... стреляют израильтяне.